

Глава 6. Даже просто представляя это, он уже так возбуждался

Ответ Цзян Жаня был естественным и при этом звучал почти как капризная ласка, отчего Лу Сюй совершенно растерялся.

Он пребывал в ступоре примерно три секунды.

Затем нахмурился и заново внимательно проверил свой ответ, убеждаясь, что тот не оставлял собеседнику ни малейшего пространства для недопонимания и фантазий.

— [Не называй меня так.]

Этой фразой он отверг неуместное обращение Цзян Жаня «мужем» и четко обозначил границы.

— [Я занят.]

Эта фраза одновременно объясняла, почему он увидел сообщение Цзян Жаня, но не ответил на него, и демонстрировала холодную, отстраненную позицию, закрывая тему.

Он уже настолько явно его отверг, почему же Цзян Жань совершенно не расстроился?

Они ведь даже не были близки — всего лишь однажды встретились.

Вспомнив обстоятельства их первой встречи, Лу Сюй постепенно расслабил брови и кое-что понял.

Неужели этот маленький дурачок увидел тогда, как управляющий кафе угодливо с ним разговаривал, решил, что перед ним богатый и влиятельный человек, на которого можно выгодно запрыгнуть, и потому теперь пытается с ним сблизиться?

Мысль была почти самовлюбленной, но таких людей Лу Сюй действительно встречал немало.

Кто-то приближался к нему ради денег, кто-то — ради власти, кто-то — ради связей. В их сфере подобное случалось сплошь и рядом.

Неужели Цзян Жань тоже оказался маленьким охотником за выгодой?

Для людей, которые приближаются к тебе с нечистыми намерениями, обычного отказа недостаточно.

Самый действенный способ — показать, что ты не представляешь никакой ценности для них.

Лу Сюй немного подумал, а затем скользнул взглядом к коробке с обедом, которую секретарь принес ему из столовой.

Он открыл коробку. Сегодняшние блюда выглядели вполне по-домашнему: обжаренная стручковая фасоль, помидоры с яйцом, несколько кусочков жареной рыбы, одно куриное крылышко в хрустящей корочке и несколько кусочков баклажана, блестевших от масла.

Выглядело вполне сносно, поэтому Лу Сюй намеренно пошевелил еду палочками, перемешав все блюда и сделав содержимое коробки еще более неаппетитным.

Он удовлетворенно сфотографировал этот беспорядочный обед и отправил снимок Цзян Жаню.

[LX: Я повторяю еще раз: не называй меня так.]

[LX: [Изображение]]

[LX: Сейчас ем «Пинхаофань».]

Отправив сообщения, Лу Сюй вдруг почувствовал себя значительно лучше и наконец захотел есть. Он поднял палочки и неторопливо принялся за обед.

Одной коробки «Пинхаофань»* было достаточно, чтобы разрушить мечты охотника за богатыми.

[*«Пинхаофань» (拼拼) — китайский сервис совместных покупок готовой еды, известный экстремально низкими ценами (около 10 юаней за блюдо). В китайских соцсетях заказ из этого приложения считается главным маркером тотального безденежья, поэтому его появление мгновенно выдает реальный статус человека.]

Если собеседник действительно пытался к нему подлизаться, после такого сообщения он наверняка сильно разочаруется.

Образ Лу Сюя, который тот увидел в кафе, мгновенно сменится с перспективного влиятельного богача на обычного офисного работника, который бегаёт по поручениям своего начальника.

Однако Цзян Жань, увидевший присланную фотографию, вообще не думал ни о чем подобном!

Первое, что бросилось ему в глаза, — мужская рука, случайно попавшая в нижний левый угол снимка.

На дорогой, качественной рубашке туго застегнута манжета, из-под которой виднелось сильное, мускулистое запястье. Пальцы, как и при первой встрече, были длинными, но не тонкими. Край ногтей аккуратно подстрижен, на пальцах ни единого лишнего миллиметра ногтя. На естественно лежащей тыльной стороне ладони выступали прямые, отчетливые вены.

Казалось, с такими руками Лу Сюй мог бы хоть прямо сейчас сниматься в рекламе дорогих часов.

Всего одна рука — а от нее уже исходила густая мужская привлекательность зрелого мужчины. Казалось, даже сквозь фотографию можно почувствовать холодный, сексуальный запах одеколона.

А Цзян Жань еще и был художником, поэтому особенно остро чувствовал пропорции человеческого тела.

Такая идеальная форма кисти...

Это же просто... просто создано для глубокого проникновения...

Цзян Жань неожиданно для самого себя засмотрелся на фотографию, сердце забилось гулко и часто, а щеки покрылись румянцем.

Придя в себя, он еще сильнее смутился и поспешно перевернул телефон экраном вниз, после

чего целиком завернулся в одеяло и принялся кататься по кровати.

А-а-а-а... Как он мог так распускать мысли о своем краше?!

Это же слишком бесстыдно.

Цзян Жань пристыженно уткнулся лицом в одеяло. Ноги сами собой зажали свернутое в длинный валик одеяло, которое он обнимал, а низ живота пылал. Он бессознательно потерялся о него, из горла вырвался невнятный стон.

Странно... Цзян Жань ведь раньше не был настолько сексуально неудовлетворенным.

Лишь спустя некоторое время, с пунцовыми щеками, он поднял телефон.

И только со второго взгляда заметил беспорядочно перемешанные блюда в коробке и сообщение, которое прислал LX.

Цзян Жань: «.....»

Небо рухнуло.

Он и не требовал, чтобы его краш был богатым.

Но как можно быть настолько бедным?

Они только познакомились, а он уже демонстративно показывает, что у него нет денег — что это вообще значит?

Цзян Жань никогда не встречался, зато интернетом пользовался вдоволь.

Он видел, как в интернете относятся к мужчинам, которые в переписке жалуются на бедность. Обычно их презирали и говорили, что если мужчина постоянно между строк намекает на безденежье, то он просто ждет, когда объект его интереса начнет закидывать его золотыми монетами.

Цзян Жань должен был содержать себя сам, а еще помогать семье дяди. И вот теперь, когда он наконец впервые за столько лет в кого-то влюбился, его краш тоже, похоже, обладал всеми задатками содержанца.

...Даже если он маленькая жирная овечка, нельзя же стричь только его одного!

Немного разочаровывает, но руки у него такие сексуальные...

Немного разочаровывает, но сам он такой сексуальный...

Процессор Цзян Жаня явно не справлялся с нагрузкой. Некоторое время он растерянно сидел, а потом решил обратиться за помощью к военному советнику.

[Цзян Жань: Брат!]

Для начала Цзян Жань отчитался о последних событиях.

[Цзян Жань: Он меня не заблокировал, но, кажется, действительно не очень доволен.]

[Лян Шэнь: О? Что сказал?]

Цзян Жань сделал скриншот переписки про «Пинхаофань» и отправил ему.

[Цзян Жань: Что делать? Как мне ответить?]

Лян Шэнь смеялся довольно долго, прежде чем наконец написать:

[Лян Шэнь: Ответь: «Богатенький папик, раз даже «Пинхаофань» себе позволить можешь. А я, когда голодный, воду пью».]

[Цзян Жань: ...]

Лян Шэнь еще какое-то время смеялся, а потом все же перешел к серьезному тону.

[Лян Шэнь: И что ты еще собираешься ему отвечать? Вы только первый день знакомы, а он уже жалуется на бедность, а ты все равно хочешь продолжать?]

[Лян Шэнь: Если тебе так нравится заниматься благотворительностью, в горных районах полно детей, которым нечего есть, и девочек, которые не могут позволить себе учебу. Если у тебя есть деньги, чтобы тратить их на мужчин, лучше пожертвуй их. По крайней мере, услышишь в ответ «спасибо».]

Охваченный любовным безумием Цзян Жань покраснел и возмущенно возразил:

[Цзян Жань: Я вообще-то и так этим занимаюсь!]

Лян Шэнь подумал и понял, что это действительно так, поэтому мгновенно лишился всех аргументов против.

С тех пор как у Цзян Жана появилась возможность, он каждый месяц откладывал определенную сумму на благотворительность.

Даже дядя с тетей об этом не знали — Цзян Жань делал это тайком.

Отец Цзян Жана был дальнобойщиком, а мать ездила вместе с ним по разным городам. Работа была тяжелой, но доход вполне неплохим. Когда они не могли присматривать за сыном, то временно оставляли его у младшего брата отца, передавая ему деньги на содержание ребенка.

Но однажды на дороге одна машина потеряла управление. Большегруз не успел увернуться.

Так Цзян Жань лишился обоих родителей.

Ему тогда было девять лет — возраст довольно неловкий.

Он был уже достаточно взрослым, чтобы все понимать и помнить родителей, поэтому другие родственники боялись, что не смогут воспитать его как родного. Но при этом он был еще слишком мал, чтобы самостоятельно работать и зарабатывать деньги. Цзян Жань рос, ему предстояло учиться в средней школе, старшей школе и университете — на все это требовались деньги.

Поэтому некоторое время никто не хотел брать его к себе, все только пытались спихнуть его друг другу.

Поскольку Цзян Жань был ближе всего к семье младшего дяди и по крови они были самыми близкими родственниками, в конце концов дяде пришлось принять его.

В тот год двоюродному брату Цзян Чу было шесть лет.

Будучи единственным ребенком в семье, он рос избалованным до невозможности и как раз находился в возрасте, когда дети бывают особенно эгоистичными и властными. И вдруг в доме появился старший брат, с которым предстояло делить половину семейных ресурсов.

Разумеется, Цзян Чу был против и долго плакал и капризничал.

Цзян Жань мог его понять.

Чтобы не доставлять семье дяди лишних хлопот, он с детства научился читать выражения чужих лиц. Постепенно его характер становился все более мягким, терпеливым и покладистым.

Как бы то ни было, у Цзян Жаня хотя бы появилось место, которое он мог назвать домом. Поэтому теперь, когда у него была возможность, он помогал дяде и тете всем, чем мог.

Лян Шэнь иногда считал его слишком мягкотелым, но, вспоминая его прошлое, не знал, как именно его убеждать.

В конце концов, с точки зрения морали Цзян Жань действительно имел право так поступать.

Что же до ежемесячных благотворительных пожертвований, Цзян Жань делал это ради своих родителей — хотел накопить им заслуги, чтобы в следующей жизни они получили хорошее перерождение.

Однако тетя не любила, когда Цзян Жань показывал, как сильно скучает по родным родителям, поэтому все это он делал тайком.

Лян Шэнь ничего не мог с этим поделать и в конце концов написал:

[Лян Шэнь: Ладно, делай как тебе нравится.]

Пусть хоть жалуется на безденежье, хоть нет. Если это может сделать Цзян Жаня, этого маленького горемыку, хоть немного счастливее, ничего страшного.

Эмоциональная поддержка тоже очень ценна.

В последний год Лян Шэнь все чаще замечал, что Цзян Жань становится несчастнее.

Наверное, когда любимое занятие превращается в работу, вместе с ним постепенно появляется немало проблем.

Хотя Цзян Жань мог черпать энергию из любви своих маленьких поклонников, постепенно ему начали попадаться трудные заказчики. Да и само их сообщество было довольно хаотичным. Сегодня кто-то с кем-то ругался, завтра кого-то публично разоблачали, то и дело появлялись очередные «гении с талантом», а еще просто люди, которым не нравился стиль художника и которые обязательно должны были спорить со всеми подряд.

Даже если ты ничего не сделал, всегда найдется кто-нибудь, кто заявит, что твои рисунки ужасны и непонятно, почему ты вообще стал популярным.

Кроме того, чем больше людей любили его работы, тем сильнее становилось давление на Цзян Жаня. Он боялся не оправдать их ожиданий, поэтому все чаще изводил себя.

В общем, ничего хорошего в этом не было.

Обсудив ситуацию с военным советником и не придя ни к какому выводу, Цзян Жань снова открыл переписку с крашем и несколько раз пересмотрел фотографию.

...Ладно, пусть бедный.

В конце концов, в мире не существует идеальных людей. А человека, который настолько соответствовал бы его эстетическим предпочтениям по внешности и манере поведения, он за столько лет встретил всего одного.

Максимум — после того как закончит коммерческий заказ, он снова откроет набор заказов.

Если подумать, то то, что его краш немного бедноват, даже неплохо. Так кажется, что добиться его будет чуть проще.

Если бы LX был одновременно красивым и богатым, он наверняка не оставался бы одиноким — тогда у Цзян Жаня вообще не было бы шансов.

От этих мыслей давление только усилилось.

А когда давление возрастало, ему очень хотелось куда-нибудь его выплеснуть.

Цзян Жань уткнулся лицом в подушку и представил, что лежит в объятиях своего краша, вдыхая холодный, легкий аромат, исходящий от мужчины.

Пальцы левой руки слегка согнулись, кончики пальцев влажно покраснели, а сам он прикусил их губами.

Правая рука скользнула вниз, словно натянутая до предела тетива лука, образуя плавную линию. Под нежной белой кожей разливалось сладкое покалывание.

— М-м...

Цзян Жань медленно выдохнул. Его загнутые ресницы намокли от слез и слиплись в отдельные пучки, придавая ему особенно жалкий вид.

Брови слегка нахмурились, словно он был чем-то обижен.

Ему казалось, что его пальцы слишком короткие, а размер тоже недостаточно внушительный.

Если бы это была рука LX...

Цзян Жань вдруг вскрикнул, и его тонкий живот резко вздрогнул.

Он лежал на кровати с пунцовым лицом и совершенно пустым взглядом.

Все плохо.

Он действительно запал на этот тип зрелого мужчины.

Даже просто представляя это, он уже так возбуждался.

А если действительно получится...

Цзян Жань даже представить не решался.

.....

Прикинуться бедным сработало лучше некуда.

Лу Сюй сидел с холодным лицом.

Цзян Жань действительно перестал присылать ему липкие сообщения.

Лу Сюй: «.»

Как и ожидалось, маленький охотник за выгодой.

Ничем не отличается от остальных.

Примечание автора:

Цзян Жань: Эх, мой муж — охотник за деньгами. Что делать? Опять придется заниматься благотворительностью [подперев подбородок]

Краш-гэ: Какой мерзавец, посмел меня обмануть! Я же знал, что это опять охотник за выгодой [ярость]

Энергоэффективный гэ, ну посмотри на себя: когда тебе пишут — ты раздражаешься, когда тебе не пишут — опять начинаешь нервничать [очки]

Наш Цзян Жань действительно слишком безнадёжен, у него в голове один только муж... Не бейте меня [умоляю][умоляю]

<http://bllate.org/book/20316/2028041>